

УДК 343.21

С. В. Алексеев

ФГБОУ ВО Самарский государственный экономический университет, Самара,
e-mail: volga169@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕГМЕНТА В 40-Х ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ

Ключевые слова: бандитизм, организованная преступность, организованные преступные группы, легализация, организатор преступления, соучастие, банда, шайка, системный анализ, Великая Отечественная война.

В статье рассматриваются особенности формирования в Советском Союзе преступлений, совершённых групповым способом. Более детально рассмотрению подвергся экономический сегмент, так как именно он явился предтечей групповой и организованной преступности, начиная со времени Великой Отечественной войны. Рассматриваются особенности уголовного законодательства, регулирующего вопросы ответственности соучастников за совершения групповых преступлений. Анализируется влияние специфики военного времени на становление в СССР групповой и организованной преступности. Рассмотрены причины появления организованных преступных групп, таких как шайки, банды во второй половине 40-х годов XX в. Рассматриваются формы и методы противодействия преступлениям, совершённым соучастниками организованных преступных групп, предлагается характеристика основных направлений борьбы с такими преступными деяниями.

S. V. Alekseev

Samara State University of Economics, Samara, e-mail: volga169@yandex.ru

FORMATION OF GROUP CRIME IN THE ECONOMIC SEGMENT IN THE 40S OF THE XX CENTURY

Keywords: banditry, organized crime, organized criminal groups, legalization, organized crime, complicity, gang, gang, system analysis, Great Patriotic War.

The article deals with the peculiarities of the formation of crimes committed in a group way in the Soviet Union. More detailed consideration was given to the economic segment, as it was the forerunner of group and organized crime, since the time of the Great Patriotic War. The features of the criminal legislation regulating the issues of liability of accomplices for the commission of group crimes are considered. The article analyzes the influence of wartime specifics on the formation of group and organized crime in the USSR. The reasons for the appearance of organized criminal groups, such as gangs, gangs in the second half of the 40s of the XX century are considered. Forms and methods of counteraction to crimes committed by accomplices of organized criminal groups are considered, the characteristic of the main directions of fight against such criminal acts is offered.

Введение

Материальные условия жизнедеятельности советских граждан в условиях Великой Отечественной войны определялись целым рядом факторов. Нападение нацистской Германии, оккупация врагом важных сельскохозяйственных районов привели к существенному сокращению производства основных потребительских благ. При этом категории населения, за которыми было закреплено обязательное государственное обеспечение,

значительно возросли, прежде всего, за счет военнослужащих. Не стало того изобилия продуктов и товаров первой необходимости в советском государстве, которое было достигнуто в результате правильной, взвешенной и патриотической политике советского правительства. В изменившихся военных реалиях руководство страны столкнулось с особо серьезными трудностями в сфере снабжения армии и гражданского населения продовольствием и предметами широкого потребления.

Возникла социальная напряжённость в стране, усугубилось положение централизованных фондов. Отсутствие в необходимом количестве продовольственных и промышленных товаров привело к росту числа преступлений экономического характера, которые совершались в большинстве случаев групповым способом, или другими словами – в соучастии (банда, шайка). С.М. Емелина отмечает, что в начале войны в СССР фиксировалось более 200 тыс. групповых преступлений экономической направленности. А к 1945 г. их количество вообще превысило более 300 тыс. в год [1, с. 85-91]. Особая роль в групповых преступлениях экономической направленности отводилась организатору таких общественно-опасных деяний.

Организатор – это «лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими» [2]. Организатор является наиболее опасной фигурой из числа всех соучастников. Повлиявших на других соучастников, организатор направляет их волю на совершение преступления, объединяя их усилия на совместную деятельность в ходе приготовления или непосредственного исполнения преступления.

При этом деятельность организатора преступления является высоколатентной и труднодоказуемой [3, с. 24].

Концепция национальной безопасности РФ говорит о том, что борьба с организованной преступностью имеет не только правовой, но и политический характер [4]. Существование организованной преступности повышает роль и значение организатора в преступлении.

В конце прошлого столетия множественность участников в преступлении получила свое закрепление в главе 7 «Соучастие в преступлении» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Цель исследования – исследовать феномен зарождения групповой и организованной преступности в СССР. Определить время становления групповой преступности на примере экономического сектора. Предложить возможные варианты борьбы с исследуемыми общественно опасными деяниями.

Методы исследования

Исследование проведено на основе методов контент-анализа и сравнительно-правового анализа. Был изучен обширный архивный материал и нормативно-правовые акты. Так же, использовался сравнительно-правовой метод исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие «института соучастия» совершенствовалось [5, с. 15] на протяжении полутора веков и показало свою устойчивость, поскольку отражает подавляющее большинство ситуаций, связанных с участием нескольких лиц в совершении одного и того же преступления. Много составов преступлений (простых и квалифицированных) базируются на соучастии и вне его рамок совершены быть не могут.

При этом в уголовном законодательстве необходимо также наличие понятия преступного сообщества (преступной организации) и лица, которое организовало сообщество, руководило им, зачастую, принимало различные организационно-распорядительные меры по его функционированию в дальнейшем. Однако, что касается послереволюционной России, то ни Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [6], ни Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [7] не предусматривали понятия преступное сообщество (преступная организация). Уголовные кодексы РСФСР 1922 года и 1926 года соучастниками считали лишь исполнителей, подстрекателей, пособников, укрывателей.

В связи с этим лица, совершившие преступление в составе организованной группы или преступного сообщества, организаторы таких преступлений в период Великой Отечественной войны, привлекались к уголовной ответственности как соучастники преступления: исполнители, подстрекатели, пособники и укрыватели в зависимости от их роли в выполнении объективной стороны преступления.

В военный период с 1941 года по 1945 года основу уголовного законодательства составлял Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. В силу п. «г» ст. 48 УК РСФСР 1926 года отягчающими обстоятельствами, в этом отношении, при определении той или иной меры социальной защиты, из предусмотренных Кодексом, являются лишь совершение преступления группой, бандой или

повторно [7]. Отсутствие законодательно-определения вышеназванных уголовно-правовых понятий представляется как серьёзный законодательный пробел. В результате уголовной ответственности избежали лица, принимавшие особо активное участие в формировании преступлений. Либо такие лица были приговорены к менее суровым наказаниям, не соответствовавшим тяжести содеянного.

До начала войны на территории Советского Союза не наблюдалась активность бандитских группировок. Но уже после 1941 года УНКВД областей СССР докладывали в НКВД СССР о том, что резко возросло количество уголовных проявлений и нарушений общественного порядка гражданским населением и военнослужащими [8].

К примеру, по состоянию на январь 1945 года сотрудниками НКВД-НКГБ были ликвидированы 74 банды в Сталинградской области, в составе которых было 454 участника; 331 банда в Ростовской области, в составе которых было 1569 участников; 27 банд в Астраханской области (1160 участников); 95 банд в Саратовской области (450 участников). Всего в СССР было ликвидировано 8459 банд, в состав которых входило 178 203 участника [9, с. 172].

Исследование архивных материалов, дало возможность заключить, что молодёжь – учащиеся и студенты стоят на третьем месте по количеству среди осужденных за разбой, совершённый в группе (в соучастии) в данный период, что составило 13 чел (8,9%).

При этом следует отметить, что подавляющим большинством из них были студенты техникумов (6 чел.), следом шли учащиеся ремесленных училищ и старших классов средних школ (по 3 чел.) и один студент Ленинградского университета. Этот же анализ показал, что в основном это были выходцы из семей служащих 10 чел. (76%). Причины, которые толкнули их на преступления, были разными: желание материально помочь семье, так как в послевоенные годы учеба, начиная со старших классов средних школ и выше, была платной, из-за того, что зарплата у большинства категорий служащих не на много превышала зарплату рабочих, а иногда и вовсе была меньше.

Динамика участия учащихся в бандах была весьма колеблющейся. Достаточно взглянуть на сводные данные по этой про-

блеме, чтобы в этом убедиться. К примеру: в 1946 г. – 4 чел. (14,9%), 1947 г. – 1 чел. (2,5%), 1948 г. – 4 чел. (16%), 1949 г. – 2 чел. (5,4%), 1950 г. – 2 чел. (11,1%) [10, с. 31].

При данном сравнении общего состояния групповой преступности среди учащихся на примере Ленинградской области можно заметить, что процент преступников среди учащихся выше, чем среди других бандитов. Так, в 4 квартале 1946 г. было привлечено к ответственности 309 чел. (3,8%), а в 1 квартале 1947 г. 341 чел. (3,9%) [11]. Однако сравнительно малое количество учащейся молодежи среди бандитов не позволяет сделать окончательный вывод о её устойчивом участии в организованных преступных группах.

Изучение показало также, что лиц, служивших и осужденных за бандитизм в 1946-1950 гг. оказалось лишь 9 человек (или чуть более 6%). Среди них «лидируют» работники торгово-сбытовой сферы (7чел.), затем шли инженерно-технические кадры (3чел.) и по одному представителю пришлось на военнослужащих и сотрудников милиции [12, с. 44].

В общем же число служащих в среде осужденных за участие в бандах был не велик, приблизительно 1-2 человека в год, что составляло 3,7% – 5,6% от общего количества осужденных за бандитизм (за исключением 1947 года, когда их количество достигло 4 чел (10%). Процент служащих, осужденных за бандитизм, был в целом ниже общего уровня преступности среди данной категории населения.

В итоге, в 4 квартале 1946 г. было привлечено к уголовной ответственности, к примеру, по Ленинграду и области примерно 839 служащих (10,3%). В 1 квартале 1947 г. их количество сократилось до 798 чел. (9,2%), а в 1949 г. их число составило уже 390 чел. (15%), привлечённых к уголовной ответственности.

Совсем низкий процент служащих в бандитской среде указывает на их сравнительно высокие доходы и, соответственно, отсутствие у них криминальных мотивов. Не маловажную роль сыграли и иные культурно-социальные ориентиры и ценности, к примеру, отрицательное отношение к подобной откровенной уголовщине.

Руководствуясь системно-функциональным подходом, преступную организацию можно характеризовать как систему. Функционирование этой системы направлено на достижение конкретно определённых

ной, общей для всех её элементов цели. Касаемо преступности, эта цель представляет получение сверхприбыли от преступной деятельности.

Представляется, что именно системный характер (а не такие факультативные признаки, как наличие лидера и иерархии, конкретное количество действующих фигурантов, применения насилия, общие финансовые ресурсы, идеология, дисциплина и т.п.) отличает организованную преступную группу. Как система, групповая преступность в СССР имела такие признаки как:

1) динамичность – способность к изменениям как реактивного, так и проактивного характера;

2) гетерогенность – то есть разнородность элементов, которыми могут быть как отдельные индивидуумы, так и структуры различного типа, в том числе и иерархии;

3) способность к развитию, в том числе нелинейного, то есть такого, что не ограничивается только количественным увеличением числа элементов;

4) развитие такой системы может осуществляться как на уровне самих элементов (субстрактно), так и на уровне взаимоотношений между ними, то есть структурно;

5) сложность, что характеризуется как её гетерогенностью, так и характером взаимосвязей между отдельными элементами, многообразием возможностей их поведения и реакции;

6) органичность – каждый элемент значительно большей степени зависит от системы, чем система от отдельного элемента;

7) способность к самоорганизации, самовоспроизводству и самосовершенствованию;

8) высокий уровень жизнеспособности, включающий и регенеративность – способность восстанавливать утраченные элементы [13, с. 98, 164].

По мнению А.И. Долговой: «Коррупционные связи во время войны и особенно сразу после её окончания строились путем введения членов группировки в органы власти или управления или путём прямого подкупа и запугивания. К таким структурам можно отнести подавляющее большинство этнических группировок. В отношениях между собой они, как правило, находятся в состоянии конфликта, но со временем возможно их объединение в более крупные по масштабам структуры, как это имело место с японской «якудзою», китайскими «триадами» и итальянской мафией» [14].

Подобную структуру имели преступные группировки, действовавшие на территории бывшего СССР, начиная со времени начала войны. Построенные по такой простой модели преступные группировки являются эффективными. Их эффективность также объясняется простотой, или даже примитивностью их целей. Их деятельность ограничена тем, чтобы лишь отнять имущество, принадлежащее другим, тогда как для получения устойчивой прибыли нужны организации, построенные по корпоративному принципу.

Для функционирования «банды» необходимо, чтобы имущество, что она собирает, присвоить, уже было кем-то создано. Корпорация (в том числе уголовная) сама имеет возможности создавать имущество и производить товары, которые она предлагает для продажи на рынке [13, с. 99].

Выступая формой экономической деятельности, групповая преступность уже, начиная со времени начала Великой Отечественной войны, напрямую была связана с функционированием легальной экономики.

Групповая преступность заинтересована в установлении контроля над легальной экономикой. Главная цель групповой преступности это как легализации доходов, полученных преступным путём, так и легализация социального статуса причастных к этому лиц.

Таким образом, начиная с военного времени, организованная преступность стала весьма успешно выступать в роли «социального лифта». При определенных условиях, этот, так называемый, «социальный лифт» заменял собой легальные возможности, так как эффект был более быстрый, результативный и прогнозируемый. Именно этот феномен привёл к криминализации общественной жизни России, распространению и институционализации криминальных практик в качестве приемлемой модели поведения, которая позволяет достичь желаемого результата наиболее быстрым, и, фактически, социально-приемлемым способом. Справедливости ради, следует сказать, что описываемый феномен, приведший к криминализации общественной жизни России, не исчез со временем. Более того, этот феномен в настоящее время стал более модернизирован и приспособлен к реалиям. Особенности его становления и развития в России XXI века будут предметом исследования иных авторских работ.

Групповая преступность, зародившаяся в первые годы Великой Отечественной во-

йны, стала использовать легальную экономику для осуществления конкретных преступных планов. И этот процесс продолжается и сейчас.

Так, в настоящее время, преступное перемещение крупных партий наркотических и сильнодействующих веществ, предусматривает использование транспортной и портовой инфраструктур государства. Подобная ситуация имеет место на незаконном рынке прекурсоров, которые, в основном, производятся легальной химической промышленностью. К примеру, большинство транзакций денег, полученных преступным путём, осуществляются посредством легальной финансовой системы. Причём вовсе не обязательно, что бы денежные транзакции осуществлялись с целью совершения преступления, как и не обязательно с целью легализации денежных средств.

Торговля оружием, как правило, связана с его приобретением у легальных поставщиков и последующим выводом в незаконный оборот. Легальные субъекты предпринимательства тем или иным образом на разных этапах используются и другими формами преступности.

В период Великой Отечественной войны сотрудниками правоохранительных органов в результате задержания участников банд на территории СССР были изъяты оружия и боеприпасы: пулеметы в количестве 7 186 шт., автоматы – 18 860 шт., противотанковые ружья – 1 281 шт., минометы – 1 020 шт., винтовки – 200 018 шт., гранаты – 23 744 шт., пистолеты – 132 731 шт., мины – 86 029 шт., взрывчатые вещества – 5 100 шт., прочее оружие – 63 128 шт. [15, с. 114].

Результатом такого влияния преступности военного и пост военного времени на легальную экономику России становится формирование целого слоя лиц – финансистов, адвокатов, и т.п., что обслуживают интересы преступных групп, при чем их действия могут быть сами по себе формально легальными. Данное обстоятельство искажает экономическую модель государства, общество в целом, формируя в нём группы лиц, зависимых от преступности, заинтересованных в её существовании и готовых отстаивать её цели, а интересы лоббировать, в том числе и на законодательном уровне.

Рост бандитских проявлений во второй половине 40-х годов был вызван целым комплексом социально-экономических последствий Великой Отечественной войны.

Уничтоженная промышленность, особенно это коснулось лёгкой промышленности. Трудности в сельском хозяйстве, начавшаяся «холодная» война потребовали увеличения размера средств, вкладываемых в развитие тяжелой промышленности. Неурожай и голод 1946-1947 гг. привели к острой нехватке в СССР товаров первой необходимости. Именно в это время произошло зарождение «черного рынка» и спекуляции.

Помимо объективных трудностей, росту групповой преступности, в том числе и бандитизма, способствовало слабое внимание партийных органов и руководителей предприятий, за организацией быта рабочих и служащих, в том числе молодёжи. Мало уделялось внимания повышению их жизненного и образовательного уровня. Большие людские потери в Великой Отечественной войне привели к ухудшению охраны различных форм собственности кадровым составом милиции. Во время Великой Отечественной войны и после её завершения на улицах советских городов появились беспризорные и безнадзорные дети, которые являлись резервом для преступного элемента. Без внимания, охраны и контроля оставалось большое количество оружия, в том числе и трофейного, которое легко попадало в руки бандитам.

Выводы

Вышеуказанные причины привели к формированию в Советском Союзе со второй половине 40-х гг. XX века соответствующей структуры бандитского элемента, в котором преобладали мужчины (88,4%), молодёжь в возрасте до 25 лет (79,2%), выходцы из рабочей среды (53,7%), промышленные рабочие (62,6).

Исследованный материал позволяет сделать вывод, что лица, совершавшие преступления в составе группы или преступного сообщества (банды, шайки) в период Великой Отечественной войны или сразу после неё, привлекались к уголовной ответственности как соучастники преступления: исполнители, подстрекатели, пособники и укрыватели в зависимости от их роли в выполнении объективной стороны преступления. Согласно п. «г» ст.48 УК РСФСР 1926 года отягчающими обстоятельствами, в этом отношении, при определении той или иной меры социальной защиты, из предусмотренных УК РСФСР, являются совершение преступления группой или бандой.

Рост групповых преступлений во второй половине 40-х годов был вызван целым комплексом социально-экономических последствий Великой Отечественной войны. Среди них: ухудшение социально-экономического положения людей, сокращение централизованных фондов, дефицит продовольственных и промышленных товаров, провоцировавший рост числа преступлений экономического характера. Распространение групповых преступлений, особенно в экономическом сегменте, способствовало сращиванию преступных групп с легальным бизнесом. Происходила легализация социального статуса лиц, так или иначе причастных к групповым преступлениям. Начиная с 40-х годов XX столетия в СССР происходит зарождение так называемого «черного рынка».

Представляется, что наиболее эффективным направлением противодействия групповой преступности в особенности экономическом секторе, является обеспечение безопасности функционирования легальной экономики, предупреждение её

использования преступными группами. Необходимо целенаправленное усиление правоохранительной деятельности в этом направлении. Предложенные шаги смогут подорвать финансовую основу преступных групп, дестабилизировать сформировавшиеся каналы осуществления незаконных транснациональных операций. Для успешной реализации и получения позитивных итогов от предложенных шагов по предотвращению групповых преступлений в экономическом секторе в частности, так и в социуме в целом, необходимо, чтобы правоохранительные органы регулярно получали достоверную и реальную информацию о готовящихся преступлениях, о местах предполагаемого сбыта имущества, добытого преступным путём. Такую упреждающую информацию необходимо получать на постоянной основе. Необходимо предусмотреть средства из бюджета, которые будут направлены на достижение описанных целей, в том числе и на оплату лиц, осуществляющих информационное содействие.

Библиографический список

1. Емелин С.М. Организационно-правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 11. С. 85-91.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.
3. Конарев В.А. Организованные преступные формирования: Вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 24.
4. Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. Ст. 170.
5. Алексеев С.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в группе: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 15.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое НКЮ. Отдел первый. 1922. №20/21. Ст. 230.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Постановление ВЦИК от 19 февраля 1926 г. (с изм. и доп., внесенными Постановлениями ЦИК СССР) от 19.02.1926 – СЗ, 1926, № 9, ст. 71; от 05.03.1926 – СЗ, 1926, № 15, ст. 106. 1926. Источник: «СУ РСФСР», 1926, № 80, ст. 600.
8. Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 2. Оп. 3. Пор. 36. Д. 4.
9. Першин К.В. Борьба органов НКВД-НКГБ СССР с дезертирством и бандитизмом на территории Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 172.
10. Самарин В.А. Социальная структура бандитских групп Ленинграда во второй половине 40-х годов XX века. Проблемы современной науки и образования. 2015. № 4. С. 31.
11. Отдел реабилитации и архивной информации Информационного центра ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Статистические отчеты УНКВД-УМВД по Ленинграду и области Ф. 28. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ленинградская городская комитет ВКП(б) Ф. 25. Оп. 5. Д. 1217. Л. 44.
13. Герман Р.Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.). Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 98, 164.
14. Долгова А.И., Коробейников Б.В., Кудрявцев В.Н., Панкратов В.В. Понятия советской криминологии. М., 2016.
15. Галкин А.Г. Особенности работы милиции в годы Великой Отечественной войны. М.: Центральная школа милиции НКВД СССР, 1943. С. 114.